

В объединенный диссертационный совет Д 999.126.03,
созданный на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Субачева Алексея Константиновича
«Институт соучастия в преступлении и его отражение
в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное
право и криминология; уголовно-исполнительное право
(г. Владивосток, 2018. – 215 с.)

Диссертация А.К. Субачева представляет собой логически структурированную научно-исследовательскую работу.

Автор аргументировано доказывает актуальность и новизну проведенного им исследования.

Исследователем правильно отмечается, что в последнее время приоритетным направлением в отечественной уголовно-правовой политике наметился поворот в сторону криминализации деяний, соответствующих тому или иному виду соучастия, указанному в ст. 33 УК РФ, в качестве самостоятельных составов преступлений. Тем самым автор обосновывает актуальность проведенного им исследования на основании того, что отечественная уголовно-правовая доктрина традиционно придерживалась представления о соучастии в преступлении именно как об институте Общей части уголовного закона. Упомянутое им нормотворчество действительно нуждается в подробнейшем исследовании на предмет его соответствия правилам конструирования уголовно-правовых норм, а также принципам уголовного права и уголовно-правовой политики (с. 4-5).

Исследователем правильно отмечено, что проблемы института соучастия в преступлении поднимались еще в дореволюционной литературе,

были объектом исследования со стороны именитых ученых советского периода и настоящего времени. Тем не менее, А.К. Субачев аргументировано утверждает о том, что, несмотря на наличие современных работ, посвященных проблемам института соучастия в преступлении, комплексные исследования по вопросам криминализации соисполнительской, организаторской, подстрекательской и пособнической деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений не проводились (с. 6), что свидетельствует о недостаточной разработанности темы в уголовно-правовой доктрине.

В связи с этим, А.К. Субачев разъясняет, что научная новизна диссертационной работы заключается в том, что существующая в теории и на практике проблема соотношения уголовно-правовых норм, представленных в Общей части и Особенной части уголовного закона России, которые регламентируют ответственность за соучастие в преступлении, рассматривается на монографическом уровне комплексно и системно. В ракурсе обозначенной проблемы автором исследовано понятие соучастия в преступлении на предмет раскрытия его признаков, диссертантом выявлены природа и основания уголовной ответственности соучастников преступления, установлены существенные признаки и особенности подстрекательской и пособнической деятельности (с. 9).

Объем теоретического и практического исследования позволил А.К. Субачеву обобщить имеющиеся теоретические позиции по проблемам отражения института соучастия в нормах Особенной части УК РФ, сделать свои выводы, выработать рекомендации и правила при осуществлении уголовно-правовой оценки анализируемых преступных деяний, а также внести соответствующие предложения по изменению уголовного законодательства.

Основные положения и выводы, изложенные в диссертации, научно аргументированы и подкреплены эмпирическим аналитическим материалом.

Работа содержит совокупность научных результатов, отличающихся новизной, достоверностью и имеющих теоретическую и практическую значимость.

Полностью поддерживаю выносимое автором положение на защиту, согласно которому формула «соучастие в преступлении образуют действия двух и более лиц» подразумевает, что каждое из совместно действующих лиц должно обладать признаками субъекта преступления. А.К. Субачев правильно отмечает, что указанное требование в равной мере распространяется на все виды совместной преступной деятельности, что вызывает необходимость уточнить редакцию статьи 32 УК РФ следующим образом: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления» (с.10, 30).

Обоснованным признаю положение исследователя о том, что умышленность участия как признак соучастия в преступлении требует наличия двусторонней субъективной связи как минимум между исполнителем (исполнителями) и иными соучастниками, которая проявляется во взаимной осведомленности между соучастниками об их действиях (бездействии), а также в наличии желания причинить преступный результат совместными усилиями (с. 185). Полностью поддерживаю автора в тезисе, что соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях. А.К. Субачев правильно уточняет, что умысел между соучастниками может быть как прямым, так и косвенным. Соответственно, логичной воспринимается правило уголовно-правовой оценки, что в преступлениях со смешанной формой вины квалифицирующие последствия, причиненные по неосторожности, могут вменяться в вину лишь непосредственным причинителям вреда (с. 10-11, 43, 186).

Диссертантом на основе анализа уяснения природы и оснований ответственности соучастников преступления аргументированно делается вывод о том, что для эффективного противодействия совместной преступной

деятельности нормы института соучастия должны носить универсальный характер, а это предполагает необходимость их закрепления исключительно в нормах Общей части УК РФ (с. 11, 66, 186). Судебная практика, связанная с квалификацией преступлений, совершенных в соучастии, действительно нуждается в выработке единообразного подхода, в некоей унификации существующих правил уголовно-правовой оценки рассматриваемых преступных деяний. Возможно, способствовать этому может определенная законодательная техника, в частности, закрепление института соучастия в преступлении исключительно в нормах Общей части УК РФ.

Научной новизной обладает положения автора о том, что: 1) соучастие в преступлении представляет собой систему, обладающую качественно иными свойствами и возможностями, нежели простая совокупность составляющих ее элементов; 2) основанием уголовной ответственности соучастников выступает совершение системой соучастия деяния, содержащего все признаки состава преступления (с. 11, 66, 186).

Диссертант достаточно состоятельно поддерживает позицию ученых, согласно которым подстрекательство возможно только с прямым умыслом. По мнению А.К. Субачева, рассматривать умысел при подстрекательстве исключительно в плоскости взаимоотношения подстрекателя и подстрекаемого методологически неверно. Деятельность подстрекателя представляет собой часть более общего явления – соучастия в преступлении, что предопределяет влияние на нее фундаментальных положений института соучастия в преступлении. Образуя единую систему, соучастники совершают единый состав преступления, который формируется и обретает полноту лишь ввиду функциональной взаимосвязи и взаимодействия соучастников. Следовательно, умысел подстрекателя включает в себя не только интеллектуальный элемент (умышленный характер совместного участия, включающий в себя наличие желания совершения подстрекаемым лицом определенных преступных деяний), но и волевой (характеризующийся желанием наступления общего для соучастников преступного результата).

По этой причине волевой момент умысла подстрекателя следует рассматривать лишь применительно к общему преступлению, совершаемому в соучастии (с. 77-78).

Разделяю позицию А.К. Субачева о том, что подстрекательство представляет собой осуществляемую любыми способами активную деятельность, направленную на возникновение у строго определенного (-ых) лица (лиц) намерения совершить преступление, юридический момент окончания которой приходится на момент начала выполнения склоненным лицом хотя бы приготовления к совершению преступления (с. 186). Диссертант верно разъясняет, что обязательным требованием для признания склонения к совершению преступления подстрекательством является факт доведения до сознания подстрекаемого всех признаков соответствующего состава преступления, а также индивидуализация подстрекателем непосредственного объекта посягательства в объективной действительности. При этом исследователь правильно акцентирует внимание на том, что подстрекательство возможно в отношении любых соучастников преступления (с. 11-12, 84-85, 187).

Поддерживаю мнение автора, согласно которому криминализация исследуемых им общественно опасных деяний в статьях Особенной части уголовного закона России в форме самостоятельных составов преступлений не имеет под собой уголовно-политических оснований, поскольку в полном объеме сохраняются возможность и целесообразность привлечения к ответственности виновных посредством применения норм Общей части УК России, в которых регламентирована ответственность за приготовление к преступлению и соучастие в преступлении (с. 122) А.К. Субачев верно указывает, что интенсивность криминализации уголовного закона в части регламентации ответственности за отдельные виды деятельности соучастников свидетельствует о неоптимальном развитии тенденций современной уголовно-правовой политики России, когда криминализация в рамках Особенной части УК РФ путем введения в ее текст новых составов

преступлений влечёт грубое нарушение принципа справедливости в части пенализации преступлений, а также исключает возможность соблюдения принципа дифференциации уголовной ответственности (с. 12-13, 151).

Полностью разделяю позицию исследователя в том, чтобы в целях устранения избыточности законодательного регулирования, а также выявленных в процессе исследования нарушений принципов уголовного права и уголовно-правовой политики, отказаться от самостоятельной криминализации таких деяний, как: посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204¹); содействие террористической деятельности (ст. 205¹); финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом (ч. 1 ст. 208); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³); посредничество во взяточничестве (ст. 291¹); финансирование или иное материальное обеспечение наемника (ч. 1 ст. 359); финансирование акта международного терроризма (ч. 3 ст. 361), – и исключить указанные нормы из Особенной части УК РФ (с. 13, 122, 151, 188).

Отмечая несомненные достоинства диссертационного исследования, и давая ему в целом положительную оценку, следует отметить и ряд положений, носящих спорный характер.

Дискуссионной считаю позицию автора о том, что природа ответственности соучастников преступления в российском уголовном законе реализована в виде акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности, которые дополняют друг друга. По мнению А.К. Субачева центральное место в реализации уголовной ответственности соучастников преступления занимает именно акцессорный принцип, в то время как принцип самостоятельной ответственности играет вспомогательную роль (с. 11, 64-65). Полагаю, что в современной судебной практике сейчас сложно говорить о приоритетности акцессорного принципа природы соучастия по отношению к принципу самостоятельной ответственности. У

правоприменителя имеется стремление решать вопрос об ответственности соучастников на основании принципа субъективного вменения.

Спорной считаю мнение автора, когда он оспаривает позицию Президиума Верховного Суда России, считающего, что нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости, в том числе, от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении (с. 54). А.К. Субачев приводит доводы, согласно которым умысел соучастников должен быть совместным, что предполагает наличие у всех совместно действующих лиц желания совершить определенное преступление. Указанная совместность умысла достигается за счет соглашения между соучастниками, содержание которого должно включать в себя также информацию о конкретном преступлении, которое намереваются совершить соучастники. А информация о квалифицирующих обстоятельствах, пусть даже они относятся к субъективной стороне состава преступления, является информацией о преступлении (с. 54). Диссертант разъясняет, что отсутствие совместности умысла у какого-либо из соучастников с исполнителем преступления о квалифицирующих обстоятельствах, известных первому, но не охватывающихся умыслом последнего, исключает соучастие в преступлении в части соответствующего квалифицирующего обстоятельства, в связи с чем такое квалифицирующее обстоятельство не может быть поставлено в вину соучастнику, не являющемуся исполнителем преступления (с. 55).

Неточность позиции исследователя вижу в следующих причинах. Кажется, что в своих рассуждениях о совместности умысла исследователь немного отождествляет понятие «умысел» и «субъективную сторону состава преступления», которая включает в себя помимо вины также цель, мотив, и, по мнению некоторых ученых, эмоции. Законодатель раскрывает соучастие через фразу «умышленное совместное участие двух или более лиц в

совершении умышленного преступления». В представленной формулировке уголовного закона ни слова не говорится о совместности целей и мотивов у соучастников преступления. Совместность умысла означает наличие у соучастников единой формы вины, а именно, умысла, единого осознания соучастниками преступления объективных признаков состава преступления, при этом цели и мотивы могут у них совпадать или различаться. Именно поэтому допускаю возможную квалификацию действий соучастников и исполнителя (соисполнителей) по различным статьям или различным частям одной и той же статьи уголовного закона при несовпадении мотивов их преступного поведения или преследуемых ими целей, если такие мотивы и цели имеют значения конструктивных или квалифицирующих признаков состава преступления.

Недостаточно точным оцениваю использование диссертантом термина «существенное», когда он описывает, что – пособническая деятельность представляет собой существенное содействие преступной деятельности любого из соучастников способами, перечень которых является исчерпывающим (с. 12, 102, 187). Термин «существенное» является оценочной категорией, что, вряд ли, приведет к единообразному применению уголовного закона. Возможно, раскрывая содержание «пособнической деятельности», можно было предложить более конкретный признак, имеющий более точные характеристики, критерии для соответствующей квалификации преступных деяний.

Автор поддерживает позицию ученых, которые считают, что соучастие в преступлении как правовая конструкция возникает с момента появления фигуры исполнителя. По мнению А.К. Субачева, оценивать приготовительные действия даже нескольких лиц, состоящих в сговоре на совершение преступления, в отсутствие фигуры исполнителя как соучастие в преступлении необоснованно. Диссертант разъясняет, что тезис о том, что соучастие в преступлении возникает не ранее появления фигуры исполнителя подтверждается также ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой в случае

недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Ключевым в данной норме является указание на то, что совместно действующие лица могут нести ответственность именно как соучастники приготовления к преступлению лишь при наличии исполнителя. В свою очередь совместные preparatory действия нескольких лиц в отсутствие исполнителя не образуют соучастия в преступлении (с.56-57).

Полагаю, целью законодателя при формулировании первого предложения ч. 5 ст. 34 УК РФ было не акцентировать внимание правоприменителя на фигуре исполнителя, а закрепить правило квалификации соучастников, соответствующее акцессорной природе соучастия. В ст. 32 УК РФ, закрепляющей определение соучастия, законодатель не использует термины, обозначающие виды соучастников, и под фразой «в совершении умышленного преступления» понимается как оконченное преступное деяние, так и неоконченное. Поэтому считаю, что, например, совместные preparatory действия организатора и пособника к совершению умышленного преступления, обоснованно квалифицируются судьями через институт соучастия.

Данные замечания носят частный дискуссионный характер и не влияют на положительные квалификационные характеристики диссертации А.К. Субачева: его диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, представляет собой научно-квалифицированную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для отрасли уголовного права, совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, отличаются высокой степенью их обоснованности, характеризуются достоверностью, новизной.

Текст автореферата соответствует содержанию диссертации. В опубликованных автором работах нашли отражение ее основные положения.

Научная работа А.К. Субачева «Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» выполнена на достаточно высоком уровне, соответствует требованиям, предусмотренным пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, в ней предложены пути решения научной проблемы.

Автор диссертации Субачев Алексей Константинович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент:

Заместитель директора по научной работе,
заведующий кафедрой уголовного права
Уральского филиала Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия» (г. Челябинск),
кандидат юридических наук, доцент

Гарбатович Денис Александрович

«09» апреля 2019 г.

Почтовый адрес:
454084, Челябинская область, г. Челябинск,
пр. Победы, 160.
Тел.: 8(351) 2239-81-41, e-mail: ural_rap@mail.ru

Подпись Гарбатовича Д.А. удостоверяю.

Начальник отдела кадров
«09» апреля 2019 г.